

Игорь Кузнецов

**Индекс уроженцев Белоруссии, репрессированных в 1920-1950-е гг.
в Западной Сибири**

**Індэкс ураджэнцаў Беларусі, рэпрэсаваных у 1920-1950-я гг. ў
Заходняй-Сібіры / Аўтар-складальнік Ігар Кузьняцоў. Мінск: 2001. –
208/224 с. На расейскай мове.**

Сэрыя Беларускі Індэкс Рэпрэсаваных

Том 1

Эта книга открывает серию «Белорусский Индекс Репрессированных», материалы для которой готовятся в рамках одноименной программы Архива Новейшей Истории при Общественном Объединении «Диариуш». Подобные сборники, включающие списки репрессированных и документы, касающиеся репрессий, уже давно публикуются в Польше, в России, в Литве и других странах бывшего «социалистического лагеря». В Беларуси подобные списки выходили sporadически, в разных изданиях, причем касались обычно какого-либо одного региона или группы населения. Основательной последовательной работы в этом направлении не велось, что не удивительно: ни серьезного осознания, ни тем более решительного осуждения преступлений советского режима в нашей стране не произошло. Не было и реформирования карательных органов. Более того, после короткой «оттепели» 1989–1994 гг. все чаще наблюдаются попытки замолчать или даже опровергнуть информацию о коммунистическом геноциде. Нынешний режим Беларуси, подчеркивающий свою преемственность с советским прошлым, в правде о нем не нуждается. Это хорошо показала недавняя попытка под предлогом реконструкции минской кольцевой дороги – «для блага народа» – уничтожить самый известный в стране и за ее пределами памятник преступлений советской власти – урочище Куропаты. Да, кстати, и памятника-то по сути нет, если не считать стихийных самодельных попыток увековечить память жертв коммунистического режима и «многообещающего» камня от правительства Беларуси эпохи «перестройки и гласности».

Что можем сделать мы для сотен тысяч убитых, замученных, оболганных своими палачами наших соотечественников? Их жизнью уже не вернешь. Но возможно вернуть память о них, о их судьбе. Из их личных человеческих трагедий складывалась трагедия нашей страны. И она еще продолжается. Может быть, знание своего прошлого поможет сегодняшнему поколению сделать, наконец, свой выбор – «быть или не быть»... Надеемся, что книги из серии «Белорусский Индекс Репрессированных» помогут кому-нибудь отыскать сведения о родных, восстановить доброе имя отца или деда. И это будет выполнением задачи, которую мы ставим, публикуя данные списки, – возвращение памяти...

Первая книга серии посвящена уроженцам Беларуси, пострадавшим в Западной Сибири. Ее автор-составитель, историк и правозащитник Игорь Кузнецов, работал в Томске, участвовал в работе томского «Мемориала». Некоторые материалы, собранные им, публиковались в периодике, а также в книге «Канвэер сьмерці», изданной Архивом Новейшей Истории в 1997 г.

Около 1200 фамилий списка – это, безусловно, капля в море. Скорее всего, мы так никогда и не сможем собрать информацию о всех жертвах коммунистического режима. Но мы постараемся обнародовать все, что сможем разыскать. В ближайшее время Архив Новейшей Истории планирует следующие тома «Индекса»: «Уроженцы Беларуси, погибшие в Москве и Ленинграде», составитель Григорий Карпилов, «Поляки и граждане Польши репрессированные на территории Беларуси в 1939 – 1941 гг.» совместно с Центром «КАРТА» в Польше, «Куропаты» – о людях, похороненных в Куропатах и в других местах расстрелов и захоронений в Минске.

Мы будем рады любой информации о ваших близких, а также свидетельствам и воспоминаниям.

«Архив Новейшей Истории» благодарен всем, кто помогает в нашей работе по изданию серии «Белорусский Индекс Репрессированных»: Центру «КАРТА» в Варшаве, томскому и московскому «Мемориалам», Институту Открытого Общества в Париже; а также всем нашим друзьям, коллегам, помощникам и благожелателям.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Насилие в советском обществе было всегда. С 1917 г. оно являлось основным средством для решения всех социальных проблем.

Сначала насилие было направлено против так называемых враждебных классов, затем и очень скоро обернулось против оппозиционно настроенных членов самой большевистской партии. В конце концов, оно стало универсальным и обратилось против собственного народа.

Где, в какой другой стране установление нового общественного порядка сопровождалось пролитием такого моря крови – крови миллионов человеческих жертв! Беларусь за короткий срок – немногим более семи десятилетий – пережила величайшие потрясения: гражданскую войну, коллективизацию, массовые политические репрессии и вторую мировую войну, депортацию жителей из родных мест в отдаленные районы СССР. И именно сейчас, у той критической черты, где оказалась наша страна, стало очевидно – с помощью насилия невозможно решать социально-экономические проблемы, а само оно ведет только к историческому тупику.

Трагическим результатом "революционных" социальных и политических преобразований стал "наш" человек и люмпенизированное общество, зараженное ядом насилия. И дело не только в росте числа преступлений, а в том, что большинство наших соотечественников не представляют себе иного способа решения социальных проблем, как только через насилие и грубое вмешательство в естественные процессы.

Если человека унизили страхом, надругались над его правами – об этом следует, по крайней мере, помнить. Но если человек принимает унижение как неизбежность, а потом вообще забывает, что его унизили, он воспринимает затем свое унижение как нечто обыденное и естественное. Забвение преступлений сталинизма приводит к уничтожению чувства национального достоинства народов. Общество подошло к краю пропасти, и только нравственность – его инстинкт самосохранения – поможет оздоровлению. Нравственность нормативная, разложенная по параграфам догматикой, затрещала по швам. Зато очевидными стали поиски нравственных примеров, воплощенных в человеческих судьбах. О них читатель и сможет узнать из этой книги.

Тысячи уроженцев Беларуси – белорусы, русские, поляки, украинцы, евреи, представители других национальностей – были огулом названы «врагами народа» и насильственно отправлены в лагеря и места специального поселения. Разные это были люди, и у каждого по-своему сложилась судьба. Одни были уничтожены сразу, следы других потерялись в крошечном аду лагерей. Но были и те, которые прошли сквозь суровые испытания и все-таки выстояли, выжили, вернулись к жизни из сталинского небытия, сохранив в своих сердцах не ненависть, а любовь к своей Родине.

Книга "Индекс уроженцев Беларуси, репрессированных в 1920-1950-е гг. в Западной-Сибири" представляет собой поименный список уроженцев Беларуси, осужденных по 58 статье Уголовного кодекса СССР в период от времени вступления в силу данной статьи до 1953 г. включительно. Публикуемые сведения взяты из материалов и документов, хранящихся в Государственных архивах и Управлениях ФСБ РФ по Томской, Новосибирской и Кемеровской областям.

В мартирологе представлены данные на 1261 человека, из числа реабилитированных в 1953-1997 гг. Список неполон, поскольку процесс пересмотра архивно-следственных дел еще не завершен. Необходимо также отметить, что сведения о профессии арестованного не всегда соответствовали истинному положению дел: высланные использовали любую возможность заработать себе на жизнь. Возможны отдельные лакуны и несоответствия в указанных местах рождения и жительства, фамилиях, именах и отчествах – сведения взяты из материалов архивно-следственных дел и не во всех случаях поддаются полной верификации. В "Индекс" включены уроженцы тех местностей, которые входят в состав современной Республики Беларусь.

Публикация данной книги, в которой приводятся списки наших необоснованно репрессированных соотечественников, – это и увековечение памяти пострадавших, и наш вклад

в выработку механизма защиты от повторения подобного геноцида в будущем. Необходимо также отметить, что публикация списков позволит родственникам репрессированных продолжить свои поиски.

Данная книга уникальна, поскольку это один из первых мартирологов жертв сталинских репрессий, уроженцев Беларуси, опубликованный в нашей стране. Эта книга нужна и нам, и нашим детям и внукам.

История справедлива. В конце концов, будут расставлены акценты, возвращена национальная память. Пережив боль утраты, боль из-за унижения близких и дорогих нам людей, мы передадим воспоминание о них своим детям и внукам. Чтобы подобное больше никогда не повторилось...

Для получения дополнительной информации об уроженцах Беларуси, опубликованных в мартирологе или предположительно репрессированных в Западной Сибири можно обратиться по адресам:

Российская Федерация, г.Томск, Управление федеральной службы безопасности по Томской области или к сопредседателю Томского правозащитного, историко-просветительского общества «Мемориал» Василию Антоновичу Ханевичу.

КОНВЕЙЕР СМЕРТИ

У советского государства, начиная с самых его первых дней в 1917 г., основной функцией стала функция подавления, которая в условиях гражданской войны, безусловно, приобрела еще большее значение. Это обуславливалось не только сопротивлением "эксплуататорских" элементов, но и необходимостью принуждать людей к труду в условиях "военного коммунизма".

С первых дней установления "диктатуры пролетариата" уголовное законодательство отличалось исключительной жестокостью мер наказания, в том числе и за малозначительные правонарушения. Сразу после октябрьского переворота, когда еще не было создано новое уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, суды руководствовались декретами, подписанными, в большинстве случаев, Лениным. В 1918 г. он запретил пользоваться старыми законами, а в судебных процессах предписал руководствоваться только декретами советского правительства. Таким образом, до первой кодификации уголовного законодательства было принято более 400 декретов и других актов, которые содержали уголовно-правовые нормы.

В Положении о народном суде РСФСР говорилось, что суд "в случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты такового, руководствуется социалистическим правосознанием". Поскольку старые кадры юристов в большинстве своем были отстранены от исполнения обязанностей, а правосудие чаще всего совершали, руководствуясь "социалистическим правосознанием", суд в большинстве случаев превращался в произвол и беззаконие. Для большинства актов законодательной и исполнительной власти в этот период характерен метод принуждения и насилия. Законодательство Белорусской ССР дублировало правовые акты РСФСР, а в дальнейшем – СССР.

Показательно, что термин "враг народа" стал широко применяться в официальных документах уже с первых дней после октябрьского переворота. Так, 28 ноября 1917 г. Ленин подписал декрет, в котором говорилось следующее: "...члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов".

Репрессии усилились после образования Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. В постановлении СНК РСФСР от 5 сентября 1918 г. указывалось, что "подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям и мятежам". Постановлением Реввоенсовета Республики от 4 февраля 1919 г. было установлено, что решения Революционного Военного трибунала не подлежат обжалованию или кассации и приводятся в исполнение в 24 часа.

В первые годы Советской власти создаются объекты – прообразы будущего ГУЛАГа. В декрете СНК от 14 марта 1919 г. "О рабочих дисциплинарных судах" для нарушителей трудовой дисциплины и лиц, не выполнявших норм выработки, предусматривалось наказание до 6 месяцев заключения в лагере принудительных работ. Так воплощалась в жизнь политика "красного террора", предельно ясно отражавшая представления руководителей партии и государства о средствах и методах достижения поставленных целей. Идея создания "школы труда" для

арестованных была уточнена в постановлении ВЦИК от 11 апреля 1919 г. "О лагерях принудительных работ". Согласно данному постановлению губернские Чрезвычайные комиссии в трехмесячный срок организовали лагеря во всех губернских городах. Таким образом, впервые в "рабоче-крестьянском" государстве законодательно закреплялось существование концлагерей...

Первые белорусы оказались в сибирских лагерях еще в начале 1920-х годов. В Мариинском концлагере, где заключенные отбывали свой срок за контрреволюцию (56%), уголовные преступления (23%), невыполнение разверстки (4,4%), антисоветскую агитацию (8%), труддезертирство (4%), должностные преступления (4,5%) и спекуляцию (0,1%), было не менее 5% уроженцев Беларуси.

Компания раскулачивания 1930 г. имела свое определенное "лицо" и свои приоритеты – конфискационно-репрессивные. С помощью этой компании власти не только боролись с противниками колхозов, но и решали ближайшие прагматические задачи – экспроприация имущества раскулаченных и их выселение. Только предполагалось, что выселенным на новых землях будут предоставлены условия для хозяйственной деятельности и "трудового перевоспитания". Высылка началась в январе-феврале 1930 г., однако комиссия по устройству выселяемых кулаков по главе с заместителем председателя СНК СССР Шмидтом была создана только в начале апреля. "Спецпереселение" было организовано бестолково и бессистемно, действия различных органов были не согласованы. Представители ОГПУ передавали "эстафету" попечения над высылаемыми административным органам НКВД, милиции. Сеть создаваемых впервые в столь массовых масштабах "кулацких" поселений должны были управлять комендантские отделы. Значительно позже к этому подключились гражданские органы, ведавшие системой жизнеобеспечения. По данным ведомственной статистики ОГПУ–НКВД в СССР в 1930–1931 гг. было раскулачено 569,3 тысяч хозяйств, из них в отдаленные районы отправлено 381 тысяча семей, в том числе свыше 15 тысяч человек из Беларуси.

Брошенные в труднодоступные районы, часто без сельхозинвентаря и продовольствия, "спецпереселенцы" бежали из созданных на скорую руку поселков, сознавая возможные тяжелые последствия. К концу 1930 г. в Западной Сибири в бегах числилось 2/3 "спецпереселенцев"; на местах оставались лишь те, кто просто не был способен бежать. К тому же на протяжении всего 1930 г. не прекращались крестьянские волнения, направленные против насильственной коллективизации.

В феврале 1931 г. началась новая волна раскулачивания. В результате из БССР было выслано в районы Сибири свыше 60 тысяч крестьян.

Постепенно темпы и масштабы раскулачивания уже не увязывались с коллективизацией и в значительной мере определялись заявками советских хозорганов. В 1931 г. ОГПУ замкнуло на себе весь "технологический цикл" (от выселения до использования труда "спецпереселенцев"), вытеснив неудачливых конкурентов (система НКВД), которая не сумела не только "по-хозяйски" распорядиться в 1930 г. присланной "рабсилой", но и организовать их расселение и охрану.

ГУЛАГ, находившийся в ведении ОГПУ, создал несложную, но действенную систему договорных отношений с наркоматами и ведомствами об использовании труда "спецпереселенцев". Система имела три уровня: верхний – так называемый генеральный договор между ГУЛАГом и, скажем, ВСНХ; средний – локальный договор одного из территориальных управлений, скажем, Сибирским ИТЛ (Сиблагом), с Востуглем или Кузнецкстроем о передаче в распоряжение ведомства определенного количества переселенцев; на нижнем уровне документально оформлялись отношения между спецкомендатурой Сиблага и руководством конкретного леспромхоза или рудника.

Так, в течение осени-зимы 1931 г. представители Сиблага подписали договоры с крупнейшими потребителями рабочей силы региона – с Востоксталью (Кузнецкстроем), Востуглем (Кузбассуголь), Сиблестрестом и др. Многие советские отрасли, приняв этот "наркотик" – принудительный труд, потом уже не могли успешно функционировать без обеспечения производства "спецконтингентом" и, таким образом, полностью стали зависеть от карательного ведомства. Так ГУЛАГ стал неотъемлемым элементом советской экономической системы.

В дальнейшем из-за резкого увеличения числа осужденных организация высылки и размещения "спецпереселенцев" была возложена на органы ОГПУ–НКВД. В связи с "ликвидацией кулачества как класса" в 1932 г. ОГПУ СССР разработало положение "Об управлении кулацкими поселками" и утвердило соответствующие инструкции.

Массовые репрессии продолжались и после завершения, в основном, коллективизации. 20 апреля 1933 г. СНК СССР принял постановление "Об организации трудовых поселений". Кого же выселяли в 1933 г., если кулачество было ликвидировано? Сельских жителей – за срыв и саботаж хлебозаготовок и других кампаний, городских – за отказ в связи с паспортизацией 1932-1933 гг. уезжать из крупных городов, "кулаков", бежавших из своих деревень, а также тех, кого высылали в 1933 г. в порядке "очистки" государственных границ. Данные категории граждан обычно осуждались органами ОГПУ и судами на срок от 3 до 5 лет включительно. Для размещения прибывшего контингента в восточных и северных районах СССР была развернута огромная сеть специальных комендатур.

В частности Сиблагом ОГПУ в 1931-1932 гг. было создано 354 сельскохозяйственные, промышленные и лесные комендатуры, на учете в которых состояло на 1 октября 1931 г. 284 921 человек, в том числе более 60 тысяч уроженцев Беларуси.

По оценкам западных специалистов, на территории, находящейся в ведении комендатур, погибло, приблизительно, от четверти до одной трети депортированных крестьян. Судя по документации Сиблага, чиновники определили плановую "убыль контингента" в течение года в 5% (или 50 человек на тысячу). Однако реальность была гораздо трагичнее.

Так, по статистике ГУЛАГа в течение 1932 г. смертность в переселенческих комендатурах составила около 70 человек на тысячу; в северных же комендатурах Сиблага (Нарымский край) с июня 1931 г. по июль 1932 г. умирало около 110 человек на тысячу, а в отдельных случаях – 120-150. Причины колоссальной смертности очевидны: отсутствие социально-бытовой инфраструктуры, эпидемии, недостаточное и некачественное питание, тяжелый, изнуряющий принудительный труд.

Для экстенсивного экономического развития во время первых пятилеток массовый и "дешевый" принудительный труд не являлся дополнением к "вольнонаемному". С начала 1930-х годов именно "спецпереселенцы" (800-900 тысяч) осваивали районы Урала, Сибири и Дальнего Востока. Например, в Сибири, они составляли 2/3 населения северных районов Западно-Сибирского края, 40-60% от всех работавших на приисках и рудниках Сибири и Севера и занятых шахтным строительством в Кузбассе. Значительная группа "раскулаченных" (с семьями – около 20 тысяч человек) была использована при возведении Кузнецкого металлургического завода и т.д.

1 июня 1922 г. был принят Уголовный Кодекс Российской Федерации. Этим Кодексом и его редакцией от 1926 г. в Беларуси пользовались до 1928 г. Широко известна печально знаменитая статья 58 этого Кодекса – "Контрреволюционные преступления". Она имела 14 пунктов, 13 из них предусматривали высшую меру наказания – расстрел. Наиболее часто в 1930-е гг. обвинения предъявлялись именно по статье 58: пункту 1 – "измена Родине", пункту 6 – "шпионаж", пункту 7 – "подрыв государственной промышленности, транспорта, кооперации", пункту 8 – "совершение террористических актов", пункту 10 – "контрреволюционная/антисоветская пропаганда и агитация", пункту 11 – "участие в контрреволюционной организации".

Почти половина всех обвиненных в 1930-е гг. были осуждены по ст. 58 п.10, которая предусматривала уголовную ответственность вплоть до применения высшей меры наказания за клеветнические высказывания в адрес руководителей партии и правительства, за дискредитацию внешней политики СССР, ведение религиозной пропаганды, за высказывание пораженческих настроений и попытки дискредитации РККА, за высказывания об экономическом положении трудящихся в СССР и восхваление капитализма, за контрреволюционные выпады против коммунистов, за систематический отказ от работы в лагерях НКВД и т.д.

Уголовный кодекс Белорусской ССР был утвержден на 3 сессии VIII созыва 23 сентября 1928 г. Согласно данному кодексу уголовные преступления разделялись на две категории: направленные против советского строя и на все остальные. За преступления первой категории устанавливался только низкий (минимальный) предел, ниже которого суд не мог назначить наказание или, как в кодексе говорилось, меру социальной защиты. За преступления второй категории был установлен только высший предел. По кодексу 1928 г. лишение свободы не могло превышать 10 лет, однако в последующие годы он был доведен до 25 лет.

Обращает внимание и очень широкий спектр уголовных преступлений, за которые суды могли назначить высшую меру наказания (ВМН). Так, в главе 1 "Контрреволюционные преступления" из 17 перечисленных составов уголовных преступлений 14 предусматривали высшую меру наказания. По многим уголовным преступлениям, в том числе и не представляющим большой

общественной опасности (отказ от внесения налогов, убой скота и др.), была предусмотрена конфискация всего имущества.

Почти все составы контрреволюционных преступлений предусматривали также и меры социальной защиты следующего характера: объявление осужденного врагом трудящихся с лишением гражданства БССР или иной союзной республики и тем самым гражданства СССР; полное или частичное лишение прав; удаление из Союза ССР на определенный срок; запрещение проживать в тех или иных местностях.

Важно подчеркнуть, что если суд лишал подсудимого прав, то он терял не только политические права, но и возможность поддерживать элементарный уровень своего материального существования: при полном лишении прав запрещалось занимать те или иные должности, получать пенсию, пособие по безработице, иметь родительские права и т.д.

Изучение архивно-следственных дел необоснованно репрессированных показывает, что наиболее распространенным было обвинение в "измене Родине", это значит, в действиях, совершенных гражданином СССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории – шпионаже, бегстве или перелете за границу. Суровое наказание ожидало и родственников виновного. Если совершеннолетние родственники знали о намерении бежать, но не доложили или способствовали готовящейся или совершенной измене, они карались лишением свободы от 5 до 10 лет с конфискацией имущества. Другие совершеннолетние члены семьи изменника, проживавшие с ним совместно, подлежали лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на пять лет. Таким образом, в самом законе была заложена возможность репрессий в отношении лиц, по сути, не совершивших никаких преступлений.

Вначале репрессии не носили такого массового характера. Однако с каждым годом маховик "красного террора" раскручивался все сильнее. Суды не справлялись с нарастающим "валом". Все больше дел стало рассматриваться в упрощенном порядке внесудебными органами – "двойками", "тройками", Особыми совещаниями. По существу, эти органы никому не были поднадзорны и действовали по собственному усмотрению, творя произвол и беззаконие. Прокурорский надзор отсутствовал, а прокуроры нередко сами подвергались репрессиям.

Возникновение репрессивной системы на рубеже 1920-1930-х гг. было не случайным, а закономерным явлением: когда в конце 1920-х гг. встал вопрос об источниках осуществления ускоренной индустриализации страны и о методах коллективизации крестьянства, у сталинского руководства был уже готов ответ – орудием проведения индустриализации и коллективизации должен был стать развитый репрессивный аппарат в виде исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) ГУЛАГа НКВД СССР. Отныне все уже осужденные на срок 3 года и выше переводились из мест заключения в ИТЛ, куда направлялись и все приговоренные судами к названным срокам.

К 1930 г. было сформировано 6 управлений исправительно-трудовых лагерей ОГПУ СССР: Северного Кавказа, района Белого моря и Карелии, Вышнего Волочка, Сибири, Дальнего Востока и Казахстана. Лагеря и трудовые колонии начинали играть все более заметную роль в экономике страны. Труд заключенных стал применяться в реализации крупномасштабных хозяйственно-экономических проектов, а хозяйственные органы планировали свою деятельность с учетом возможности использования заключенных. Круг замкнулся в 1934 г., когда с созданием общесоюзного НКВД все советские лагеря были объединены в единую систему Главного управления лагерей (ГУЛАГ).

Четкое функционирование всей репрессивной системы обеспечивали карательные органы. Еще в 1922 г. был создан единый общесоюзный орган – Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР. Система его органов состояла из ОГПУ СССР, ГПУ союзных республик, политотделов при исполкомах Советов и особых отделов в Красной Армии и на транспорте.

В декабре 1930 г. НКВД союзных республик упраздняются, а их функции стали выполнять созданные при СНК республик управления милиции и угрозыска. В СССР по-прежнему действовало ОГПУ СССР, а для руководства органами милиции союзных республик и для проведения в СССР паспортной системы в 1932 г. было образовано Главное управление рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ СССР.

В 1934 г. образуется НКВД СССР. Вместо ОГПУ в системе НКВД СССР создается Главное управление государственной безопасности (ГУГБ). В НКВД также, кроме репрессивной функции,

были сосредоточены функции охраны границ, управления шоссейными и грунтовыми дорогами, руководство геосъемкой и картографией, лесной и пожарной охраной. В его ведении находились вопросы, связанные с переселенцами, органы ЗАГСа. Таким образом, НКВД осуществляла тотальный контроль за всеми сферами жизни советского общества.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в СССР была создана и хорошо отлаженная и материально обеспеченная система судебных и внесудебных органов. Система судебных органов Беларуси была представлена Военной коллегией Верховного суда СССР, Верховным судом БССР, областными судами, судом Белорусской железной дороги, военными трибуналами Белорусского военного округа и различных войсковых формирований, в том числе НКВД.

Наряду с судебными органами существовала также система внесудебных органов. Она начала формироваться в СССР и БССР еще в 1923 г. 15 февраля 1923 г. постановлением ЦИК СССР была учреждена судебная коллегия ОГПУ. Она имела право рассматривать во внесудебном порядке дела о диверсиях, вредительстве и других преступлениях и применять все меры наказания.

По постановлению ЦИК и СНК СССР от 5 ноября 1934 г. при Народном комиссариате внутренних дел было образовано Особое совещание. Этому органу первоначально было предоставлено право применять "к лицам, признаваемым общественно-опасными", ссылку, высылку и заключение в лагерь сроком на 5 лет, затем его права были значительно расширены вплоть до применения высшей меры наказания. В состав Особого совещания входили: народный комиссар внутренних дел, заместитель народного комиссара внутренних дел, начальник Главного управления милиции. Одновременно в 1934 г. был создан еще один внесудебный орган – комиссия СССР и Прокурора СССР по следственным делам ("двойка").

Среди карательных органов особо зловещую роль в развертывании массовых репрессий сыграли Особое совещание и "тройки" ОГПУ–НКВД. Циркулярами ОГПУ от 29 октября 1929 г. и 8 апреля 1931 г. в центральном аппарате НКВД были образованы "тройки" для предварительного рассмотрения законченных следственных дел и последующего их доклада на судебных заседаниях коллегии или Особого совещания. В их состав входили руководители оперативных управлений – отделов ОГПУ и полномочного представительства (ПП) ОГПУ.

Циркуляром 1931 г. предусматривалось обязательное участие в заседаниях "троек" представителя прокуратуры ОГПУ. Постановлением Президиума ЦИК СССР от 3 февраля 1930 г. ОГПУ было предоставлено право на время проведения кампании по "ликвидации кулачества" передоверять свои полномочия по внесудебному рассмотрению дел ПП ОГПУ в республиках, краях и областях с тем, чтобы внесудебное рассмотрение дел проводилось с участием представителей облисполкомов и прокуратуры.

В 1929 г. острое репрессивной машины было направлено в основном против крестьянства, которое составляло основную массу населения СССР. К политическим репрессиям с полным основанием можно отнести и раскулачивание, массовое и трагическое по своим последствиям. С конца 1929 г. до середины 1930 г. в СССР было "раскулачено" свыше 320 тысяч семей (не менее 2 миллионов человек), конфисковано имущества стоимостью свыше 400 миллионов рублей. По оценочным данным, в Беларуси в 1920-1940-е гг. было "раскулачено" не менее 350 тысяч человек.

Массовые репрессии против крестьянства партийные и советские органы объясняли обострением классовой борьбы в деревне и всю вину возлагали на "кулаков". Под удар попали и значительные массы зажиточных середняков, которые лишь эпизодически применяли наемный труд или не применяли его вовсе. К маю 1930 г. в Беларуси было раскулачено 15626 крестьянских хозяйств – около половины от их общей численности. При этом, как вынуждены были признать сами организаторы раскулачивания на XIII съезде КП(б)Б, 2395 из них, или 15,3%, – необоснованно. Между тем, слово "кулак" на долгие годы стало синонимом слова "враг". По отношению к "раскулаченным" считались оправданными любые беззакония со стороны органов НКВД.

Форсирование коллективизации толкало к максимально жестоким методам насилия, что не могло не вызывать ответного сопротивления. Оно носило стихийный, неорганизованный характер и было, скорее, пассивной формой протеста. Известны спонтанные крестьянские выступления в Копыльском, Лепельском и других районах Беларуси. Все они были жестоко подавлены с применением регулярных частей.

В связи с резким увеличением числа осужденных, организация высылки и размещения "спецпереселенцев" была возложена на органы ОГПУ–НКВД. В 1932 г. ОГПУ СССР разработало положение "Об управлении кулацкими поселками" и утвердило соответствующие инструкции.

В поселки для "спецпереселенцев" комендатурой назначались уполномоченные или поселковые коменданты. Им давались права сельского Совета. В 1933 г. ОГПУ была разработана инструкция "О мерах воздействия за самовольные отлучки с работ, поселков и побеги с мест расселения". Самовольный уход с работы или из поселка без разрешения, продолжавшийся не более суток, рассматривался как отлучка, свыше одних суток – как побег с места высылки. Самовольная отлучка, совершенная повторно, рассматривалась как побег. За побеги, систематические отлучки возбуждалось уголовное преследование.

Материалом, достаточным для возбуждения уголовного дела, являлся рапорт коменданта или уполномоченного, который представлялся в административное управление. Согласно инструкции, после вынесения судебного решения, все осужденные по данной категории снимались с работ и направлялись этапным порядком на север – Туруханский край (Игарка). Практика выселения людей из родных мест продолжалась и в последующие годы. В период массовой коллективизации по постановлениям полномочного представительства ОГПУ в БССР, а также по решениям судов и поселковых советов десятки тысяч жителей Беларуси были причислены к "контрреволюционному кулацкому активу" и были высланы за пределы Родины.

Часть из них осталась на севере нынешней Томской области. Другая – в многочисленных лагерях Сиблага НКВД, разбросанных на территории Новосибирской, Кемеровской областей, а также Красноярского и Алтайского краев. В результате только этой акции в северные края в период с 1929 по 1932 гг. было сослано свыше 100 тысяч белорусских крестьян. Одни из них погибли, особенно в первые годы ссылки, других настигли 1937 г. и повторное осуждение, некоторым удалось сбежать и устроиться, но большинство беглецов было поймано и отправлено на Колыму, в Игарку и другие места заключения.

Трижды руководители Сиблага ОГПУ в 1933 г. составляли дислокацию расселения вновь прибывших ссыльных. В первый раз указывалось, что прибудет 340 тысяч человек, во второй – 281, а 21 июня 1933 г. краевому земельному управлению была направлена дислокация расселения на 248 тысяч человек. В Александровский, Чаинский, Бакcharский, Колыванский, Тервизский, Тарский районы Западного-Сибирского края было отправлено около 80 тысяч "спецпереселенцев" – выходцев из районов РСФСР, Украины, БССР. В районах Нарымского края предназначалось разместить около 150 тысяч человек.

Когда массовые репрессии против крестьянства превзошли все разнарядки центра, 8 мая 1933 г. вышла новая инструкция "Всем партийно-советским работникам ОГПУ, суда и прокуратуры", подписанная Сталиным и Молотовым. В ней констатировалось, что в 1933 г. в деревне имели место беспорядочные массовые аресты. В ряде районов, в том числе и БССР, аресты производили председатели колхозов, председатели сельсоветов и секретари партийных ячеек. "Неудивительно, что в этой вакханалии арестов, – отмечалось на Пленуме Верховного суда СССР 14 апреля 1933 г., – органы, действительно наделенные правами арестовывать, в том числе и органы ОГПУ и особенно милиции, теряют всякое чувство умеренности и часто совершают необоснованные аресты, действуя по правилу: "Сперва арестуй, а потом веи расследование".

1932 г. открыл новую печальную страницу репрессий в СССР. 7 августа 1932 г. ВЦИК и СНК СССР был принят закон "Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной социалистической собственности". Этот закон предусматривал только одну меру наказания – расстрел, и только в исключительных случаях, при смягчающих обстоятельствах, – лишение свободы на 10 лет. По данным Верховного суда СССР, только судебными органами в период с 1933 по 1939 гг. было осуждено 78691 человек. Если к этому добавить осужденных коллегией ОГПУ СССР и полномочными представительствами ОГПУ в республиках, краях и областях, то эта цифра превысит 540 тысяч человек.

Параллельно с репрессиями крестьянства карательные органы в 1929-1933 гг. осуществляли акции, направленные против интеллигенции. Беларусь не была исключением. Конец 1920-х – начало 1930-х гг. "ознаменованы" делами о "вредительстве контрреволюционных и диверсионно-шпионских организаций" и их белорусских филиалов – "Промпартии", "Союзного бюро РСДРП (меньшевиков)" и других.

Новая разрушительная волна массовых репрессий обрушилась в 1937-1938 гг. Для дальнейшей активизации деятельности судебных и внесудебных органов 14 сентября 1937 г. ЦИК СССР

принял постановление "О внесении в действующее уголовно-процессуальные кодексы союзных республик изменений по рассмотрению дел о контрреволюционном вредительстве и диверсиях". Согласно этому постановлению кассационное обжалование по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 58 п.7 УК РСФСР, ст. 69 п. 5 УК БССР (вредительство), 58 п.9 УК РСФСР и ст. 71 УК БССР (диверсия) не допускалось, а приговоры о высшей мере наказания (расстрелы) приводились в исполнение немедленно.

Особенно активизировалась деятельность НКВД БССР и областных "троек" начиная с июля 1937 г., когда, согласно указанию "сверху", на местах были составлены списки, содержащие весь "контрреволюционный" элемент. Вслед за этим в Беларуси, Западно-Сибирском крае и других регионах страны начались массовые операции по осуществлению арестов и фальсификации "контрреволюционных дел". Смысл этих акций сводился к "созданию" так называемых "всесоюзных контрреволюционных организаций" – контрреволюционно-диверсионной, антисоветской повстанческо-террористической, эсеровской шпионской, контрреволюционной националистическо-фашистской, Польской организации войсковой и многих других.

"Следствием по делу вскрытой и ликвидированной контрреволюционной шпионско-диверсионной повстанческой организации "Польской организации войсковой" установлено, что в деятельности повстанческой организации принимали участие...", – подобная формулировка из постановления на арест была вписана в дела многих тысяч поляков и белорусов, репрессированных в 1934-1938 гг. не только на территории Беларуси, но и в Москве, Пятигорске, Новосибирске, Томске, Красноярске и многих других больших и малых населенных пунктах Советского Союза. Практически всех их обвиняли тогда в организованном заговоре против советской власти. Организационной формой этого "заговора" была мифическая, созданная в недрах НКВД подпольная контрреволюционная организация, под непосредственным руководством которой и по ее прямому указанию действовали "враги народа", у которых были польские и белорусские фамилии.

Дело "Польской организации войсковой" – одно из самых массовых после "Российского общевойскаского союза" и "Союза спасения России" – яркий пример линейных арестов, т.е. арестов по национальному признаку. Филиалы организации "создавались" органами НКВД не только в центральных районах СССР, но и в Западно-Сибирском крае, Восточной Сибири и на Урале. Это было не сложно: в этих регионах жили потомки поляков и белорусов, которые были высланы или переселились в Сибирь на протяжении XIX и в начале XX веков.

Преамбула обвинительного заключения всегда оставалась неизменной, менялись лишь фамилии, названия населенных пунктов, "факты" и "примеры" враждебной деятельности.

"При допросах выясняли, где работал до ареста обвиняемый, чем занимался, были ли какие-либо факты пожаров, отравления скота и так далее. Выяснив эти вопросы, искусственно приписывали в показания обвиняемых совершение тех или иных актов вредительской или диверсионной деятельности..." (Из показаний бывшего сотрудника Новосибирского управления НКВД уроженца Минской губернии С. Ф. Филиповича от 27 августа 1957 г.). Сфабрикованные дела по "Польской организации войсковой" имели еще одну особенность – почти все они носили групповой характер. Например, в деревне Белосток Кривошеинского района Западно-Сибирского края за одну ночь в декабре 1937 г. по этому делу были арестованы все мужчины в возрасте от 16 до 70 лет.

За всеми этими мифическими центрами и комитетами "Польской организации войсковой" стояли реальные человеческие судьбы, которые, хотя и были прожиты по-разному, одинаково завершились в подвалах НКВД – с пулей в затылке.

Архивно-следственные дела дают возможность изучить их биографии.

Уроженец Гродненской губернии дворянин Александр Сосенко родился в семье потомственных военных. К началу первой мировой войны Александру исполнилось семнадцать лет. Он поступил вольноопределяющимся в 99-й Ивангородский пехотный полк, который вскоре направили на фронт. После революции в начале 1920-х гг. Александр Сосенко служит в польской армии. В 1923 г. из армии демобилизуется. Жена Сосенко, русская по происхождению, уговорила мужа перебраться в Советскую Россию поближе к родственникам. При переходе границы Сосенко был арестован, а затем осужден комитетом ОГПУ БССР по статье 66 к трем годам концлагерей. После отбытия трех лет на Соловках в 1927 г. его отправили в ссылку в Нарымский округ Западно-Сибирского края. В Сибири Сосенко проживал в леспромхозовском поселке Каргасок, а с 1932 г. – в городе Колпашево, где работал механиком-мотористом на местной электростанции. "Как

установлено следствием, "Сибирский комитет Польской организации войсковой" получил соответствующее задание от 2-го отдела польского главного штаба, развернул в Сибири широкую вербовочную работу и приступил к организации повстанческих легионов и к непосредственной подготовке вооруженного восстания. Членом "Сибирского комитета" Сосенко был разработан план вооруженного восстания, которым предусматривалось следующее... легионы начинают выступление одновременно в момент военного нападения на СССР со стороны Польши, Германии и Японии; в момент восстания повстанческие отряды легионеров должны разгромить партийно-советские организации, разоружить милицию, охрану предприятий, партийно-советский актив, обратив отобранное оружие на вооружение повстанческих отрядов... Наряду с активной подготовкой к вооруженному восстанию, участники "ПОВ" на территории Нарымского округа занимались шпионско-диверсионной деятельностью, систематически собирали сведения шпионского характера, которые сосредоточивались в руках агента польского главного штаба Сосенко, и последним передавались польским разведывательным органам..." (Из обвинительного заключения от 3 октября 1937 г. по делу № 7138 19 участников "Польской организации войсковой").

Сосенко арестовали 11 августа 1937 г. После предварительного допроса в Колпашево отправили в Новосибирск. Основательно "обработанный" специалистами из органов, Сосенко на допросе у начальника УНКВД по Запсибкраю майора госбезопасности Горбача признался в том, что в 1924 г. был нелегально переброшен в СССР со специальными заданиями польских разведорганов. Сосенко "признался" своим следователям во многом – протоколы допросов насчитывали около двадцати страниц печатного текста. В этих протоколах отсутствуют подписи подследственного, без которых они не считаются документами. И все же, несмотря на такую "оплошность", копии протоколов допросов Сосенко Александра были приобщены в качестве улик к делам тысяч сибирских поляков и белорусов, в том числе и жителей села Белосток. Постановлением Особого совещания НКВД СССР от 20 октября 1937 г. Сосенко был приговорен к расстрелу, который был приведен в исполнение 5 ноября того же года.

Конвейер смерти работал исправно. Когда кончалось "сырье", доставлялись новые партии. "Врагов народа" создавали искусственно. Областные и городские управления НКВД получали разнарядки из центра на выявление их определенного количества. На основании этого УНКВД по Западно-Сибирскому краю давало соответствующие "задания" по районам и требовала на очередной месяц или квартал новых "конкретных" цифр. Например, Томский горотдел НКВД от УНКВД по Западно-Сибирскому краю ежемесячно получал контрольные цифры на 3-5 тысяч человек. Из них не менее 60% предлагалось осудить по первой категории, т. е. расстрелять. Затем разными путями, в том числе – с использованием доносов секретных осведомителей и общественных "помощников", а также новых "признательных" показаний, полученных на допросах, и т.п., составлялись списки конкретных людей для арестов под "разнарядку".

"Партия и правительство продлило срок работы "троек" до 1 января 1938 года. За два-три дня, что осталось до выборов в Верховный Совет СССР, вы должны провести подготовку к операции, а 13 декабря – после выборов, начать заготовку. Даю вам три дня на заготовку, а затем вы должны нажать и быстро закончить дела... Возрастным составом арестованных я вас не ограничиваю – давайте стариков. Нам нужно нажать, т.к. наши уральские соседи нас сильно поджимают. По РОВСу вы должны дать до 1 января 1938 года не менее 1100 человек, по полякам, латышам и др. не менее 600 человек в день, но в общей сложности я уверен, что за эти дни вы догоните до 2000 человек. Каждый ведущий следствие должен заканчивать не менее 7-10 дел в день – это немного, т.к. у нас шофера в Сталинске и Новосибирске дают по 12-15 дел в день... Учтите, что ряд горотделов – Кемеровский, Прокопьевский и Сталинский – нас могут опередить. Они взяли на себя обязательства выше, чем я вам сейчас предложил..." (Из выступления 10 декабря 1937 г. начальника УНКВД по Запсибкраю И.А.Мальцева на совещании оперативного состава в г. Новосибирске).

Существовали специальные бланки отчетности. По графам было распределено: сколько, из каких слоев "изъять", представителей каких национальностей, отдельно военных, служителей культа и т.д. Дело доходило до того, что в общую численность обозначенных в "разнарядке" лиц, которых необходимо было арестовать, сразу включались цифры "под расстрел". Перевыполнять "норму" разрешалось, а вот за невыполнение грозило встречное наказание – вплоть до высшей меры "социальной защиты". Поэтому практиковались расстрелы арестованных в "подходящем" месте – в лесу, в овраге, на кладбище, чтобы потом, задним числом, оформить дела с "признательными" показаниями.

"В августе 1937 года начальник Томского горотдела НКВД И. В. Овчинников вызвал меня к себе в кабинет и спросил, сколько дел я и мои следователи закончили. Я ответил, что пока еще ни одного дела не закончено, потому что условий для следственной работы не создано, да и

времени еще недостаточно (прошло 7-10 дней). Овчинников дал мне срок 5 дней и предупредил, чтобы в течение этого срока от вас поступили ряд дел. В течение 5 суток один или двое следователей получили признательные показания, кажется, двух обвиняемых об их антисоветской деятельности. Но полностью закончить опять-таки ни одного дела не удалось. О чем я доложил Овчинникову. Выслушав меня, Овчинников выругался нецензурно, назвал меня оппортунистом и пообещал расправиться со мной, если я буду саботировать мероприятия партии и правительства. Тогда он заявил мне примерно так: "Ты оппортунист, ты не желаешь вести борьбу с контрреволюцией. Я распишу тебя так в характеристике, разделаю, как бог черепаху, что тебе на земле места не будет. У нас в горотделе один следователь дает по 10 дел в сутки, а от тебя и твоих следователей в течение 10 дней не поступило ни одного дела. Если так будешь продолжать и дальше, то я поставлю о тебе вопрос перед начальником УНКВД..." (Из показаний бывшего начальника Кожевниковского райотдела НКВД Д.К.Салтымакова 24 сентября 1956 г.).

Для активизации этой "работы" между городскими и районными отделами НКВД было развернуто "социалистическое соревнование": победителем объявлялся тот, кто больше арестует "врагов народа" по указанным категориям. По итогам 1937 г. среди горотделов НКВД Западно-Сибирского края победителем оказался томский горотдел, за что его начальник капитан госбезопасности Овчинников был представлен к ордену Ленина. Среди горотделов НКВД БССР первое место занял случкий во главе с лейтенантом госбезопасности Таракановым.

В целях получения нужных признаний аресты и допросы сопровождались пытками. Сталин от имени ЦК ВКП(б) санкционировал применение физических методов воздействия против подсудимых, о чем свидетельствовала шифрованная телеграмма, направленная 10 января 1939 г. секретарям обкомов, крайкомов, начальникам управлений НКВД. В ней, в частности, утверждалось: "ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)... ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь..."

Что же превращало абсолютное большинство работников НКВД в садистов? Что заставляло их преступить все законы и нормы человечности? Главная причина – страх оказаться в положении заключенного. Это чувство подавляло все иные. Кроме того, в органах НКВД все время шел "естественный" отбор: более гуманных отсеивали, самых жестоких и невежественных оставляли.

Например, уроженец Минской губернии начальник Ямальского окружного отдела НКВД Богданкевич во время приведения приговоров в исполнение организовывал пьянки для сотрудников за счет средств, изымаемых у осужденных к расстрелу. Часть этих средств шла также на оплату осведомителям. Во время допросов Богданкевич практиковал изощренные пытки: держал арестованных несколько часов по стойке "смирно", издевался над женами арестованных в присутствии мужей, применял конвейерный допрос, который длился нескольких суток, во время допросов заставлял сидеть заключенных на ребре ножек табуреток; производил корректировку протоколов допросов (предварительного писал их на черновиках, затем перепечатывал на машинке, вставляя "шпионаж" и "диверсии", а потом заставлял арестованных, угрожая пистолетом, их подписывать) и т.п. За совершенные преступления А.И.Богданкевич в 1938 г. был осужден Военным трибуналом войск НКВД на 5 лет лишения свободы, а в 1940 г. освобожден. Это только один из примеров активной "деятельности" НКВД и методов, которые активно использовали в своей практике сотрудники органов от Бреста до Владивостока.

Весь СССР, в том числе и Беларусь, был покрыт густой сетью тюрем и следственных изоляторов НКВД – всего карательных учреждений насчитывалось не менее 800-900 (точное число установить не представляется возможным). Как правило, они дислоцировались в областных центрах РСФСР и столицах союзных и автономных республик. В Москве, Ленинграде и Минске находилось свыше десятка тюрем и изоляторов специального назначения.

Хотя до сих пор на территории Беларуси не выявлено наличие в 1930-40-е гг. исправительно-трудовых лагерей, это вовсе не означает их реального отсутствия. Наличие пересыльных тюрем и лагерей в Минске, Витебске, Могилеве, Слуцке, Гомеле позволяло держать там одновременно "спецконтингент" в 15-20 тысяч человек. Срок пребывания "этапируемых" в пересыльных тюрьмах и лагерях зависел от "оперативности" администрации и мог длиться от нескольких часов до нескольких месяцев, а в среднем – 12-14 суток.

В период проведения массовых арестов, особенно в 1937-1938 гг., когда органами НКВД БССР производились одновременно аресты несколько тысяч человек, возникла необходимость незамедлительного "этапирования" осужденных и подсудимых к местам отбытия наказания. В основном, из пересыльных тюрем и лагерей, расположенных на территории Беларуси,

"этапирование" шло по следующим маршрутам: Витебск–Ленинград–Петрозаводск; Витебск–Вологда–Архангельск; Минск–Витебск–Вологда–Котлас; Минск–Москва–Владимир–Киров–Сыктывкар; Могилев–Брянск–Воронеж–Куйбышев; Гомель–Чернигов–Запорожье; Минск–Москва–Казань–Свердловск–Воркута; Минск–Москва–Омск–Новосибирск–Красноярск–Норильск; Минск–Москва–Чита–Якутск–Магадан–Колыма и др. В одном таком этапе насчитывалось иногда несколько сотен человек, которые, в основном железнодорожным транспортом, перебрасывались на расстояние в тысячи километров.

Перевозка заключенных осуществлялась в товарных вагонах, которые были оборудованы сплошными двухъярусными нарами. Под самым потолком – два зарешеченных окна. В полу прорезано узкое отверстие – параша. Окно обито железом, чтобы заключенные не могли расширить его и выброситься на пути. Под полом на всякий случай укреплялись специальные железные штыри. В вагонах не предусматривалось ни освещения, ни умывальников. Вагон был рассчитан на 46 человек, но обычно в нем находилось по 60 и более.

В периоды массовых арестов в Беларуси для транспортировки заключенных формировались целые эшелоны, иногда по 20 вагонов, вмещавшие более тысячи человек, которые затем следовали продолжительное время по вышеуказанным маршрутам вне графика (например, путь из Беларуси на Дальний Восток длился около двух месяцев). Во время всего пути заключенных не выпускали из вагонов. Пищу выдавали, как правило, раз в сутки или даже реже, – сухим пайком.

Особенно часто уходили на Восток эшелоны после похода Красной Армии в Западную Беларусь. В одном из них сразу оказалось 1580 уроженцев Виленщины, осужденных Особым совещанием НКВД СССР 25 декабря 1940 г. Из них около 60% были "этапированы" в Котласский ИТЛ, около 15% в Сибирский ИТЛ, не менее 20% было доставлено в Архангельский ИТЛ. В этом потоке только в Сибирь было депортировано перед войной более 60 тысяч белорусов, поляков, евреев, представителей других национальностей – уроженцев Беларуси. С учетом людей, репрессированных внесудебными и судебными органами в административном порядке, эта цифра превышает 85 тысяч человек.

"Контрреволюционеры" доставлялись в многочисленные лагеря ГУЛАГа. Лагеря, как правило, были одного типа: территория, огороженная тремя рядами колючей проволоки. Первый ряд был высотой около метра, основной, средний ряд, – высотой 3-4 метра. Между рядами колючей проволоки находились контрольные полосы, по углам четыре вышки. В центре располагались основные службы, в том числе медсанчасть и штрафной изолятор, обнесенный частоколом. Изолятор представлял собой капитальное сооружение, разгороженное на одиночные и одну общую камеры: его потолки были сделаны из бруса, и из такой "крепости" побег был практически невозможен. Вокруг служб располагались бараки для заключенных, в которых они спали на нарах. В зимнее время, и это в условиях Урала и Сибири, бараки почти всегда не отапливались. Понятно, что в таких нечеловеческих условиях мало кто из заключенных дожидая до долгожданной свободы.

В представленном мартирологе даны сведения об уроженцах Беларуси, репрессированных в 1920-1930-е гг. на территории Томской области. Изучение архивных документов и материалов органов госбезопасности, МВД, судов и прокуратуры Российской Федерации, неофициальных документов, воспоминаний бывших политзаключенных позволяет сделать предварительный вывод, что на территории Западно-Сибирского края (ныне Новосибирская, Кемеровская и Томская области) в период 1930-х гг. только судебными органами было репрессировано не менее 45-50 тысяч уроженцев Беларуси. Таким образом, статистика получается следующая: основная часть репрессированных это крестьяне и рабочие (до 80%); основные мотивы ареста – девять человек из десяти – совершение "контрреволюционных преступлений"; около 70% было осуждено в 1937–1938 гг.; каждые восемь из десяти осужденных были расстреляны; по минимуму – пять лет – получили не более 2% арестованных.

Нет возможности произвести полный учет уроженцев Беларуси, погибших в Западной Сибири. Косвенный метод, заключенный в сравнении фактической численности населения, например, по переписи 1939 г., с той величиной, которая "могла бы быть, если бы не было репрессий", тут не "работает": нет показателей текущего учета, что, в свою очередь, не позволяет выявить устойчивые демографические тенденции, а без этого прогноз невозможен. Поэтому в оценках необходимо прежде всего опираться на данные, которые подтверждены документально. Хотя здесь есть свое "но"...

Нельзя забывать о том, что отчеты, доклады, справки правоохранительных органов, особенно период 1930-1950-х гг. создавались в соответствии с директивными указаниями партийных

органов и во многом были сфальсифицированы, а статистические данные, как правило, занижались. Эти документы можно использовать только для определения минимального количества репрессированных. Анализ этих материалов в сочетании с другими источниками позволяют только примерно определить число прошедших через систему ГУЛАГа. К тому же, большинство уроженцев Беларуси в 1930-1940-е гг. были повторно привлечены к уголовной ответственности в местах отбывания наказания. Белорусы, как удалось установить из официальных и неофициальных источников, отбывали, в основном, свое наказание в Архангельском, Дмитровском, Воркутинском, Печорском, Котласском, Соликамском, Семипалатинском, Томском, Асиновском, Мариинском, Кузнецком, Красноярском, Тайшетском, Енисейском, Магаданском, Уссурийском и др. ИТЛ.

На основании материалов судов, прокуратуры, НКВД-МГБ СССР и БССР можно сделать только предварительную оценку общего числа репрессированных уроженцев Беларуси в 1930-1940-е гг. По оценочным данным, в 1935-1940 гг. за "контрреволюционные" преступления было привлечено к уголовной ответственности свыше 500 тысяч человек. Если учесть и тех, кто был репрессирован в административном порядке, эта цифра составит не менее 1,5 миллионов человек. В том числе, по предварительным данным, на территории Западной Сибири погибло не менее 30 тысяч уроженцев Беларуси.

Анализ всех видов источников информации позволяет предположить, что через ГУЛАГ НКВД СССР в 1930-1940-е гг. прошло не менее 10-12 миллионов человек, в том числе свыше 600 тысяч уроженцев Беларуси. В то же время в период 1953-1999 гг. в Беларуси было реабилитировано около 180 тысяч человек, что составляет только около 35% от тех, кто по официальной статистике прошел через ГУЛАГ.

Массовые репрессии на территории Западной Сибири и Беларуси в 1930-е г. носили явно выраженный плановый характер и осуществлялись карательными органами под непосредственным руководством ВКП(б) в крайне жестокой и бесчеловечной форме. Они были противозаконными, противоречили основным гражданским и социально-экономическим правам человека и обернулись трагическими последствиями для десятков и сотен тысяч людей.

Раздел 2

ИНДЕКС РЕПРЕССИРОВАННЫХ

Все сведения о репрессированных были взяты из материалов следственных дел. Если в индексе не указаны точные время и место рождения, белорусское происхождение репрессированного косвенно подтверждается другими документами из его следственного дела. При проведении верификации названий населенных пунктов мест рождения, если это была возможно сделать, пользуясь приведенными данными, дополнительные или, по нашему мнению, верные сведения даны в круглых скобках. Ошибочное указание названия населенного пункта и его административной принадлежности на момент рождения репрессированного обозначено квадратными скобками.